

Новинки *Моск. правда. - 1998. -*
28 июля. - с. 5.
Праздничный пирог

Книга Ларисы Миллер «Сплошные праздники» (издательство «Глас») - слоеный пирог. Делится на три раздела: «Судьбы картинки», «Однажды выйти из судьбы» и «Стихи разных лет: 1965 - 1998», а третий раздел делится на главы. К разделам и главам даются эпиграфы - стихи, напечатанные курсивом. Как бы ключевые. Но главное, что это не просто сборник стихов, стихи проложены прозаическими заметками, записками, дневниками. Недоверие ли к любимой поэзии? Попытка дать, не дожидаясь чужих толкований, самокомментарий? Стремление расширить круг читателей за счет тех, кто предпочитает презренную прозу? Достать и их?

Три предыдущие книги Миллер, они лежат у меня на столе, построены по схожему принципу, это даже в названиях видно: «Стихи и проза» (1992), «Стихи и о стихах» (1996). И «Заметки, записки, штрихи...» (1997), здесь и слова-то «стихи» нет, оно только угадывается как рифма к штрихам.

Поэт всегда прав, а что Миллер поэт, убедиться несложно. Вот замечательное стихотворение:

«И проступает одно сквозь другое. / Злое и чуждое сквозь дорогое. / Гольная правда сквозь голый муляж, / Незащищенность сквозь грубый кураж; / Старый рисунок сквозь свежую краску, / Давняя горечь сквозь тихую ласку; / Сквозь безразличие жар и любовь, / Как сквозь повязку горячая кровь». (1988). Прямо шекспировская строка «Гольная правда сквозь голый муляж», где поражает старинное «гольный» (в современном словаре не сыскать), особенно остро звучащее из женских уст «голый муляж» и бесстрашная рифма: любовь и кровь. Неожиданно свежая. После горечи сквозь ласку, перерастающей в жар сквозь безразличие.

Читали мы женские стихи, где у крови был специфический запах. Как негодовал Сергей Наровчатов, обнаружив у Нинель Воронель, гениальной переводчицы «Баллады Редингской тюрьмы», строки: «Развела приворотное зелье, подлила менструальную кровь» (цитирую по памяти). Считал, что, хоть и смело, хоть и в романтическом, стародавнем-народном духе, а с душком. У Миллер «горячая кровь» безупречна. Вообще автор она сдержанный, а пресловутой постельной лирики у нее практически нет. Ей более свойственно тушеваться, чем тусоваться. Она прославляет не «все цветы на одеяле» (Павел Васильев), а беглую гласную и хотела бы «неприсутствием блеснуть», раствориться в родной речи, без которой не мыслит жизни с детской поры, «когда, макнув перо в чернила, писала: «Мама Лушу мыла»; «Хорошо бы в мире яром / Обладать чудесным даром / Беглой «Е» (ловец - ловца); / Постояла под ударом / И исчезла из словца». Она обращается к художнику, рисующему «женщину нагую»: «Творец, оставь ее наброском, не делай дерзкого штриха».

Она, наконец, по-своему развивает мотив «Недоноска» Баратынского. И ее вариация - пожалуй, самая сильная из тех, которые знаю: «Экспонат расклеился, / Выбыл, расслоился, / По ветру рассеялся, / С радугую слился, / И со звездной россыпью, / Бросив тот гербарий, / В коем был он особью / И одной из тварей, / Наделенной обликом, / Именем и датой. / ...Слился с тихим облаком / И плывет куда-то».

У Миллер отсутствует самая неприятная черта нынешних поэтов (имен не называю, чтоб не множить языкатых врагов). Эта черта - *взвинченность*. «Я научила женщин говорить», с усмешкой сказала Ахматова. Цветаева научила женщин говорить так, что слова, по удачному определению Миллер, ложатся не вдоль, а поперек воздушного потока.

Поэзия Миллер складывалась в 60-е годы. Принадлежит 70 - 80-м. Все это еще не прочитано, не осмыслено, лишено

даже приблизительных оценок. И я на эти оценки не претендую.

Годы 90-е Миллер не ощущает как безусловно свои, но, будучи архаисткой, вводит в стих новые слова из нового времени: «Устаревшее - «сквозь слез», / Современное - «сквозь слезы» - / Лишь одна метаморфоза / Среди тьмы метаморфоз. / Все меняется, течет. / Что такое «штука», «стольник» / Разумет каждый школьник, / И детсадовец сечет. / Знают, что «тяжелый рок» / Это вовсе не судьбина, / А звучащая лавина, / Звучов бешеных поток. / От скрежещущих колес, / Вздутых цен и дутых акций, - / Обалдев от всех новаций, / Улыбаемся сквозь слез». Может, поэзия принадлежит всем временам?

Миллер бывает афористична. И - с юмором. Прочтешь - запомнишь: «Любовь до гроба. / Жизнь до гроба. / Что дальше - сообщат особо». Это знали б все, если бы попало в какой-нибудь экранный «шлягер», как строки Эльмира Котляра «У верблюда два горба, потому что жизнь борьба» в фильме Рязанова «Гараж».

Самые пылкие похвалы Миллер адресовал Арсений Тарковский в 1967 году. Прочитав: «Я прочитал глазами Ваши стихи (...) нахожусь в состоянии восхищения, все радуюсь, каким очень хорошим поэтом Вы стали (...) занимаете наивысший уровень над поэтами послевоенного времени. У Вас уже есть все для того, чтобы задирает носик и не считаться ни с кем. (...) Вы прелесть и чудо (...) я уверен, что русская поэзия должна будет гордиться Вами (...) Я верю в Вас и знаю, что Ваше будущее - не только как поэты, но и как поэта у Вас в кармане вместе с новым платком».

Миллер, в свою очередь, написала превосходный мемуар о Тарковском.

Прозаические прослойки в праздничном пироге Миллер выстраиваются в автобиографическую повесть в основном на фоне Москвы 40 - 50-х годов. Сентиментальное путешествие по времени (подзаголовок рассказа «Родительский день»). «Индийская гробница» в клубе «Красный текстильщик». Пирожное «картошка» из кондитерской в Столешниковом. Воскресный день в саду «Эрмитаж». Необъятный зеркальный шкаф у женщины-скорняка - с черными, рыжими, серебристыми шкурками. Гимн Кривоколенному переулку (это стихи). Поездка в Питер. И на юг - в Гагры и в Туапсе - в плацкартном вагоне. Класс, в котором «появились такие экзотические существа, как мальчишки» (началось совместное обучение). Первая влюбленность. Студенческая поездка на целину 58-го года. Возвращение: «Москва, как ее ни ждали, возникла откуда ни возьмись». И т.п.

Что особенно привлекает у Ларисы Миллер, это преданность дому, семье, отечественной поэзии: от Крылова и Грибоедова до Владимира Соколова. Дружба с литератором, охавшим (и оболгавшим) Маяковского, не может заставить Миллер одобрить это его фальшивое сочинение.

Таким и должно быть русскому поэту. Даже если у него не славянская фамилия.

Владимир ПРИХОДЬКО.

302